

Анна
Владимирова

Мой бывший-
врач

ОТЕЦ-ОДИНОЧКА

18+

Анна Владимирова

Мой бывший - отец-одиночка

«Автор»

2026

Владимирова А.

Мой бывший - отец-одиночка / А. Владимирова — «Автор»,
2026

Андрей Ярославович Князев – известный военный хирург и герой для всех. Но для меня он тот, кто разрушил мне жизнь и лишил всего. Но главное – он забрал нашего сына, пока я лежала в клинике и была не в состоянии о нем позаботиться. Но сейчас Князев – единственный, кто может помочь мне вернуть себе все. – Найми меня на работу, – цежу я хрипло, глядя в его злые глаза. – Ты мне должен. Андрей сжимает зубы. Взгляд его наливаются неподъемной тяжестью. – Ты подала в суд на лишение меня родительских прав, – наконец, зло усмехается он. – И теперь просишь, чтобы я тебе помог вернуться в хирургию? – Ты забрал у меня все – мою жизнь и моего ребенка! – Я дрожу перед ним так, что говорить все сложнее. Но отступить не собираюсь. – Я сделаю все, чтобы вернуть все себе. И ты меня не остановишь! – Хорошо, – неожиданно согласно кивает он, – посмотрим. Завтра выходишь ко мне в отделение.

© Владимирова А., 2026

© Автор, 2026

Анна Владимирова

Мой бывший - отец-одиночка

Пролог

В приемной Князева потихоньку стихла суета. Закончился поток пациентов, их родственников и кандидатов на должность ассистента. И осталась одна я. Мне казалось, я уже стерла потные ладони о джинсы. Но меня все не приглашали, или давали понять, что никто меня не примет ни сегодня, ни в другой день.

Прошел год с того дня, когда я видела Князева последний раз. И за этот год моя жизнь перевернулась с ног на голову. Стоило невероятных усилий привести себя в какое-то подобие порядка. И вот теперь я готова вернуть себе то, что у меня отняли, но Князев ничего возвращать не собирался.

— На сегодня прием кандидатов закончен, — прозвучало в пустой приемной, и я вздрогнула.

Ассистентка Князева вышла из кабинета и беззвучно прикрыла двери, даже не глянув на меня. Но я слишком долго ждала этого дня, и удержать меня от встречи с Андреем не смог бы сейчас никто. Я медленно поднялась с кресла... и решительно направилась к дверям его кабинета.

— Меня не приняли еще, — повысила я голос, хватаясь за ручку двери и дергая на себя так, что та чуть не вылетела из петель. Ассистентка бросилась наперерез:

— Девушка, Андрей Ярославович закрыл вакансию!

— Отойдите, — стряхнула я ее руку с себя и решительно вошла в кабинет Князева.

Андрей сидел за столом ко мне боком, уронив голову на ладонь, и на мое вторжение даже бровью не повел. В первый миг я замерла, глядя на его до боли знакомый профиль. Он не изменился вообще с тех самых дней, когда я вляпалась в него по уши.

— Андрей Ярославович, простите, — затараторила его помощница в шаге от меня.

— Оставьте, — поднял он на нее взгляд и...

... перевел его на меня.

Его глаза потемнели, черты лица заострились, а брови сдвинулись на самой переносице. У меня же так запекло в груди, что я еле смогла вздохнуть. Позади тихо щелкнул замок, и повисла свинцовая тишина. Андрей смотрел на меня, я — на него.

— Найми меня, мать твою, на работу, — процедила я хрипло, наконец. — Ты мне должен.

Его взгляд дрогнул. Он выпрямился и будто принялся изучать то, что от меня осталось. У меня же не стало сил выплеснуть ему все то, что я заготовила за последние полгода.

— Что же я тебе еще должен? — наконец подал он голос, и рычащие ноты в нем почти осязаемо оцарапали солнечное сплетение.

— Много всего, — я шагнула к его столу и еле подавила желание схватиться за спинку кресла, чтобы не упасть, — прежде всего выслушать...

— Говори, — приказал он.

— Ты — трус, Князев, — заявила я, и, казалось, что кислота, которой пропитались эти слова, физически обожгла горло. В нем запершило, и я закашлялась.

Андрей поднялся, прошел к столу с графином воды и подал мне стакан. Я жадно выпила половину, вытерла губы и продолжила, ничуть не растеряв запала:

— Ты не дал мне ни единого шанса! Бросил, когда я нуждалась в поддержке!

— Ты мне не один раз сказала, что не можешь меня видеть, — холодно возразил он. Но холод его слов не был равнодушным. Он обжигал злостью.

— У меня был нервный срыв, когда я узнала о тебе правду! — вскричала я. — Любой врач тебе скажет, что я была не в себе! Но, когда я пришла в себя, ты не даешь мне шанса! Не отвечаешь на звонки...

— Хватит! — оборвал он меня, возвращаясь за стол. — Я не возьму тебя на работу. Ты мне не подходишь.

— Я ничуть не потеряла в квалификации! — с трудом выдавила я.

Смотреть на его лицо становилось все сложнее. Силы и кураж стремительно кончались, и мне невыносимо хотелось плакать.

— Дело не в том, что ты — плохой специалист. Я уже нанял себе ассистента.

— Так уволь и найми меня, — просипела я, глядя ему в глаза. — Мне нужна работа. Рядом с тобой. Только ты знаешь, через что я прошла. Только у тебя должно быть достаточное чувство вины, чтобы помочь мне начать все сначала в твоём чертовом мире! Мне нужен ты, чтобы говорил со мной, стоял рядом и помогал пройти через страх! Никто другой. Я никому больше не могу довериться! Никто не будет давать мне шанс! — Я сделала паузу на судорожный вздох. — Я... у меня руки трясутся, когда... В общем, в вашем центре адаптации мне предложили бросить хирургию. А я не могу сдать. Хирургия — все, что у меня осталось... Все, что оставил мне ты!

Пока я говорила, его взгляд остывал и совсем потемнел, когда по моей щеке скатилась слеза.

— А еще ты подала в суд на лишение меня родительских прав, — после недолгого молчания, констатировал он. — И теперь просишь, чтобы я тебе помог вернуться в хирургию?

— То, что ты ушел — твоё право, — дрожащим голосом возразила я. — Ты забрал у меня все без спроса — мою жизнь и моего ребенка. Я сделала все возможное, чтобы вернуться. А теперь делаю все возможное, чтобы вернуть.

Андрей сжал зубы. Взгляд его налился неподъемной тяжестью.

— Я не пушу тебя назад ни в свою жизнь, ни в жизнь сына, — внезапно сказал он.

— Это мы еще посмотрим, — еле слышно возразила я.

— Завтра к восьми жду тебя здесь, — неожиданно сообщил меня. — С документами.

Мое горло дернулось, и я вылетела из его кабинета, тяжело хватая ртом воздух.

Глава 1

— Он взял меня на работу...

— Вот как? — голос Максима прозвучал ободряюще, но я знала, что это последнее, что он хотел бы услышать.

— Да. Я... хотела вам сказать.

— Мила, ты придешь на сеанс? — спросил он будто бы спокойно.

— Я не знаю, Максим Владимирович. Я делаю все не так...

— Нет такого варианта, — возразил он обеспокоено. — И ты это знаешь.

Я огляделась. На остановке, погруженной в мутный сумрак осеннего вечера, не было ни души. Нужно вызвать такси, но я просто не находила в себе сил вернуться в реальный мир и продолжить жить. Встреча с Андреем потрясла мою хрупкую неокрепшую психику, и требовалось время, чтобы отдышаться. Мою жизнь еще мотало от любого порыва ветра, и следовало бы беречь то, что удалось собрать и вернуть, но я не могла больше ждать. Год и так выдался длиною в вечность...

— Мила, приходи на сеанс, — нарушил тишину Максим. — Обсудим все, ладно?

— Ладно.

— Может, завтра?

— Завтра уже нужно выйти в отделение. Давайте, я напишу, как определяюсь со временем, хорошо?

— Буду ждать.

Мы помолчали, и каждый не решался отбить звонок. Макс боялся, что все еще нужен мне, а я опасалась, что так и есть. И мне хотелось от этого избавиться. Я помню, в каком состоянии впервые оказалась у него на кушетке, и терпеть не могу ту новую Милу, в которую превратилась после встречи с Князевым. И Макс напоминал мне о ней.

Он прервал молчание первым:

— Ну, до встречи?

— Да. Спасибо, Максим Владимирович. Пока.

— Пока.

Разговор с моим психологом сделал свое дело. Несмотря на то, что мы с Максимом давно вышли за пределы отношений «врач-пациент», я все еще старалась держать дистанцию. Нет, мне не его поддержка была нужна, а напоминание о том, как я ненавижу свою уязвимость. Теперь же меня заполнило решимостью надрать Князеву задницу. Но сначала пусть вернет меня за хирургический стол.

Когда я говорила ему, что он — единственный, кто может мне помочь, ничуть не обманывала ни себя, ни его. Мне нужно это не только для того, чтобы вернуться к работе. Мой адвокат сказала, что, только вернув себе работу, я смогу оспорить право Князева на единичную опеку сына. Знает ли он это? Скорее всего... Но было плевать. Я не сомневалась, что Андрей не дойдет до того, чтобы добить меня и растоптать в пыль ради своей цели. А когда увидела его сегодня, усомнилась в том, что он вообще имеет какую-то цель.

Я прикрыла глаза и сжалась, переживая дрожь от воспоминания о его взгляде. Но память на этом не остановилась, и картинки в голове замелькали в хронологическом беспорядке, подбрасывая мне то события времен нашего первого с Князевым знакомства, то швыряли меня снова в холод палаты реабилитационного центра...

Одиночество. Пронизывающее, равнодушное... Даже когда Князев пытался быть рядом, я ничего не чувствовала, кроме пустоты. Это убивало. И едва не убило...

Я открыла глаза и решительно отмахнулась от воспоминаний. У меня нет другого выбора, кроме как использовать Андрея и вернуться в хирургию. А потом — забрать у него своего сына.

— Андрей, что это?

Я поморщился и поднял взгляд от бокала. Роксана стояла на том же месте напротив моего стола, где час назад я видел Милу. А я даже не нашел в себе силы шелохнуться за этот час, только попросил секретаря налить мне виски и никого не пускать. Но Роксану это, ясное дело, не остановило. И теперь она смотрела на меня возмущенно, небрежно потряхивая приказом о приеме на работу моего ассистента.

Милы.

— Это — приказ. И я не собираюсь это обсуждать.

— Правда? — вздернула идеальные брови Роксана. — Можно я уточню? Ты не собираешься со мной обсуждать то, как снова бежишь в пропасть, из которой выполз? Со мной, которая тебя оттуда тащила? Приди в себя, Андрей!

Я сжал зубы и поднял на нее горящий взгляд:

— Что ты от меня хочешь? — процедил.

— Чтобы ты отменил приказ о приеме этой женщины на работу, — отчеканила Роксана и шлепнула листок мне на стол.

— Нет.

Роксана прикрыла глаза, поморщившись как от удара.

— Тогда объясни! Князев, я заслуживаю объяснений! — Она выпрямилась и заправила золотистую прядь за ухо. — Ты через столько прошел, и ради чего?

Я сдвинул брови и отвел взгляд от ведьмы. Да, красивая, умная, притягательная... пахнет... сносно. Но не так, как Мила. Никто ее не заменит. Поэтому ее отказ быть со мной так меня и раздавил...

Нет, он почти убил меня. И вот этого вывезти было почти не дано. Я даже думал, что Милу мне подослали. Желающих посмотреть на то, как я падаю с пьедестала, немало. Меня ненавидят коллеги, пациенты, подчиненные... Но я мог себе позволить чхать на это с высоты, потому что, поставив однажды цель стать выдающимся кардиохирургом, я до нее дошел. Но растерял многое — веру в людей и нелюдей, умение любить, сострадать и сдаваться.

Мила же заставила меня делать ровно противоположное. Я верил в нее, любил до безумия... и сдался, когда она попросила. Только пообещал себе, что сделал я это первый и последний раз в своей жизни. Я не хочу бесконечно подниматься и падать к ее ногам. Это невыносимо. Это больно. И да, я — трус. Но теперь у меня есть сын, и думать я должен не только о себе.

А еще — у меня нет ноги...

Роксана же появилась в моей жизни в тот момент, когда я соскребал себя с пола, и мне показалось неплохим вариантом позволить ей остаться рядом. Она отвлекала — старалась меня вытащить, вернуть к жизни... Когда меня попросили стать заведующим отделения грудной хирургии в ведущей клинике страны, она не дала мне отказаться. Заставила выползти из подвалов бюджетной реанимационной службы, отряхнуться, вернуть себе хоть какое-то подобие жизни.

Да, наверное, она имела право на объяснение. Но я никогда не держал ее рядом с собой. А она оставалась. Несмотря на мое скотство, холод, молчание и нежелание жить. Иногда мне казалось, что ее призвание — некромантия. С таким старанием она возвращала к жизни то, что от меня осталось...

— Что смешного? — потребовала недовольно Роксана.

— Ничего. — Я с трудом поднялся и достал трость из-за кресла. — Поеду домой.

— Позволь отвезти...

— Не надо. — Я посмотрел на нее прямо. С возвращением Милы будто луч солнца упал на мою непроглядную мглу и открыл все уродство моих отношений с Роксаной. Да и всего остального — тоже. — Не стоит тебе держаться за меня. И учить меня жить — тоже. Лучше не будет, Рокс.

— Поздно, Князев. Я нужна тебе, и я этого хочу. Да, любовь зла... — Она схватилась за мою рубашку, притянула к себе и коротко поцеловала. — Будь осторожен.

Я шагнул из кабинета, подхватил куртку с вешалки и замер у кресла, в котором сидела Мила. Ее запах все еще витал в приемной... Когда она явилась, я почувствовал его. Он влетел в кабинет вместе с очередным посетителем, зацепился за чужие волосы, прокатился по ткани одежды и свалился с чьей-то протянутой руки прямо мне под нос.

Кажется, это был кандидат на моего заместителя. Мужчина, человек. Я поморщился, и он смутился, решив, что мне что-то в нем не понравилось. И это испортило собеседование. Он кичился заслугами, пытаясь вернуть себе уверенность, но я не слушал. Смотрел на резюме Милы, которое лежало у меня на столе с самого утра, и силился не поднести его к лицу... Это было похоже на взгляд с крыши вниз, когда до смерти боишься высоты. Ты подходишь к краю осторожно, надеясь, что на этот раз удастся постоять немного дольше прежнего. Только, зачем мне это? Я уже падал, переломал себя всего и еле выжил...

Зачем мне снова смотреть в эту пропасть?

И сейчас запах Милы будто следовал за мной, молчаливо ожидая ответа на вопрос. Он вошел в лифт, постоял в тишине рядом и растворился в холле, затерявшись в сотне других запахов, так и не дождавшись ответов.

Собирался ли я смотреть с высоты и привыкать к головокружению? Или снова прыгнуть? Неважно.

Я не мог ее бросить.

— Андрей Ярославович, — послышался незнакомый женский голос, но я привык.

Меня часто поджидали в холле родственники или пациенты, которых я не взял на операцию. Сегодня это была женщина. Только похожа она на моих пациентов не была. Эмоции на ее ухоженном холемом лице исключали подобострастие и озабоченность. Наоборот. Она смотрела на меня с каким-то превосходством.

— Елена Петровна, адвокат Милены Терентьевой.

Я выжидательно замер, не собираясь проявлять вежливость.

— Я пыталась назначить вам встречу, но вы не отвечаете...

— Наверное, мне она не нужна, — перебил я. — Всего доброго.

— Андрей Ярославович, я понимаю, что вы считаете, что Милена не в праве у вас что-то просить, но это сыграет только против вас...

— Угрожаете? — вздернул я брови. — Мне?

Она усмехнулась.

— У меня есть показания вашей матери, — и Елена протянула мне документ.

Я взял его и пробежал взглядом содержимое. С губ сорвался смешок.

— Ну, понятно...

— Я могу лишить вас прав на ребенка. Поэтому, в ваших интересах встретиться...

— Вы за кого? — потребовал я с усмешкой. — Помните и делайте свою работу.

И я развернулся и зашагал на улицу. Но морду все еще деформировало от оскала. Уж не знаю, почему мне это доставило такие эмоции. Сначала я не хотел ничего выяснять, но не удержался. Натянул шлем, завел двигатель мотоцикла и набрал номер матери.

— Привет, мам, — улыбнулся, когда звонок приняли.

— Привет, родной, — отозвалась она с нескрываемым довольством в голосе. — Дай угадаю...

— Да, до меня дошла адвокат Милы. Однако...

— Ну, она со мной хоть поговорила. Ты же не хочешь...

— Я не хочу, чтобы ты вмешивалась в мою жизнь.

— Ты мог так считать, пока не стал нуждаться в моей помощи. Ты не справляешься, Андрей. Поэтому, я вмешиваюсь.

Вот невозможно манипулировать этой женщиной, ты посмотри! Я продолжал искренне улыбаться.

— Я восхищен тем, как ты нашла ко мне подход...

— Мне жаль, прости, — искренне покаялась она. — Но, я думаю, ты совершаешь ошибку, не давая Миле шанс...

Я дал газу, выезжая на проезжую часть.

— Мам, ты же из женской солидарности действуешь, — усмехнулся я. — А отец тоже даст против меня показания? Или хоть кто-то будет за меня?

— Я тоже за тебя, — спокойно возразила она, — а уж он-то — тем более...

— Я взял Милу на работу сегодня.

— М-м-м! — протянула она удивленно. — Я рада, что ты решил ей помочь...

— Неужели не могли вы?

— Ты же хочешь, чтобы мы не вмешивались, — вернула она мне шпильку.

Я рассмеялся.

— Ладно. Люблю тебя. Поехал домой.

— И я тебя люблю. Пока, родной.

Когда звонок прервался, улыбка сползла с лица, и оно медленно застыло. Я всмотрелся в дорогу и прибавил скорости...

Несмотря на скверное самочувствие после бессонной ночи и дикого нервоза, я чувствовала себя на подъеме сегодняшним утром. Будто жизнь начинается заново, и я снова ординатор. Да, воспоминаний приятных мало, но, по сравнению с последним годом, они казались более радостными.

Я придиричиво взглянула на себя в зеркало. Нормально. Сойдет. За последние три месяца я набрала несколько килограмм, занялась спортом, подтянулась и перестала ходить на пациентку психдиспансера. А это — огромный шаг, за который я собой очень довольна. Я отвела взгляд, неодобрительно качнула головой на неуместное сравнение с пациенткой психушки и вышла из дома. Нужно переставать сравнивать себя с собой прежней, коль вознамерилась вернуться.

Но, стоило перестать думать о прошлом, пришли нервные мысли то о предстоящей работе, то о Князеве.

Андрей работал главой отделения в самой передовой клинике грудной хирургии. Пациентами этой клиники были люди и... не только. То, насколько виртуозно внешний мир вписывался в мой прежний, до сих пор не укладывалось в голове. Ты можешь сидеть в автобусе с оборотнем рядом и не иметь о том никакого понятия. Или кем-то другим, таким же необычным. Правда, «других» я еще не встречала.

Самыми привычными из всех были люди с одаренностями. Хотела бы я иметь подобные! В ходе операции они могли использовать свои способности, чтобы спасти пациентов — давать импульсы по типу электрических разрядов. Тут хочешь не хочешь — а начнешь комплексовать. Но это не было моей основной проблемой.

Как я и говорила Князеву — у меня тряслись руки, когда я пыталась снова орудовать скальпелем. За все время реабилитации меня пустили в операционную в качестве зрителя всего пять раз. И два раза — как ассистента. И я провалилась. Оперировать мне по итогу не запретили, но и разрешения не выдали. И я не призналась в этом Князеву...

Я вспомнила его, каким увидела вчера. На встрече я была занята лишь тем, чтобы ее пережить. Но, после... О, после я вспомнила каждый жест и взгляд Князева. При воспоминании о каждом у меня снова пересыхало в горле, а сердце начинало биться в ребра...

Когда я увидела его впервые в жизни, испытала нечто похожее. Но там, где мы с ним столкнулись, все боялись другого — что госпиталь взлетит на воздух, к примеру, когда в него попадет снаряд. Но даже на фоне этих вероятностей образ Андрея Ярославовича Князева вызывал дрожь и трепет. Он был для меня богом, светом в конце тоннеля, супергероем и человеком с невообразимыми способностями. То, как он оперировал, казалось невероятным. Когда больницу обесточивали, он делал это и без света, и без приборов. И только потом я поняла, как именно ему это удавалось.

Оборотни... они видят в темноте и слышат гораздо лучше, и чувствуют многое. А еще позже я узнала, что даже для нового мира Князев оказался за пределами крута. В общем, потерять от него голову было проще, чем дышать. Оказавшись в его руках, а потом и постели, я обнаружила, что мой мир невероятно мал. В военном госпитале он и так сжался до размеров хирургической, нескольких палат и общего санузла, а потом — до объятий Князева, в которых я засыпала под нескончаемый грохот и вой сирен...

Однажды после особенно сложного дня он затолкал меня в душевую, содрал халат и...

— Девушка, вы выходите?

Я вздрогнула и глянула на табло вагона.

— Да, — судорожно кивнула и отвернулась к стеклу.

Но по коже все же прошла волна колючих мурашек, будто бы я снова чувствую на коже россыпь прохладных капель и горячих укусов Андрея... Что-то всколыхнулось вчера, когда я увидела его снова. Во мне будто что-то спало, прибитое посттравматическим синдромом, но

теперь оно пробилось из-под обломков моего рухнувшего мира и поползло по пеплу ожиданий и чувств...

В больницу я добралась ко времени. Только на ресепшен меня попросили посидеть в холле, так как никаких распоряжений на мой счет им никто не дал. Я стиснула зубы, стяхнула пальто от капель дождя, сдала вещи в обычную раздевалку и принялась ждать. Прошел час, в который я сползала по спинке кресла все ниже, вяло наблюдая нарастающую суету в холле клиники. А потом мои глаза сомкнулись, и я, видимо, уснула...

— Не спала? — слышу хриплое.

— М-м, — мычу сквозь сон и кое-как продираю глаза.

— Я даю тебе десять секунд. И увольняю, — рычит... Андрей?

И я подсакиваю с кресла на ноги, пытаюсь проморгаться. Князев сидит на соседнем кресле и смотрит на меня из-под бровей.

— Я не сплю, — спешу заверить его и подхватываю рюкзак, который выскользывает из нетвердых рук.

На что Андрей медленно поднимается, и я замечаю, что он как-то неуклюже подтягивает к себе правую ногу, а потом и вовсе опирается на нее с тяжестью. И... берет трость с кресла?

— Что с твоей ногой? — выдыхаю я шокировано.

— Я беру тебя ординатором, а не ассистентом, — заявляет он, игнорируя мой вопрос, и направляется к лифту. — Тебя устроит?

Я следую за ним, как пораженная громом. Что у него с ногой? Вернее, я смутно помню, что в день обстрела он закрыл меня собой, и его придавило обрушившейся стеной. Но, потом он был рядом... Да, забинтованный, в коляске. Но оборотни ведь затягивают любые раны...

— Как это случилось? — сипло выдыхаю я, когда мы замираем у лифта.

— Еще слово, и я тебя уволю, — рычит он, гипнотизируя взглядом створки.

Я сжимаю зубы и тяжело сглатываю. Мир немного спускается с паузы, слышится шум голосов вокруг. Но я не слышу. Я думаю только об одном...

Князев — инвалид. И это — моя вина. Что-то случилось с ним тогда, но я была не в состоянии оценивать его здоровье. Я только помню, как его появление рядом вызывало у меня приступ паники. Он пытался со мной говорить, брать за руку...

— Быстрее, Терентьева! — рычит он, и я спешу за ним в лифт, задыхаясь от воспоминаний. Но все же его фигура немного плывет... Я, что, плачу?

Конечно, ведь теперь я ясно вижу все последствия того, что с нами случилось. Вероятно, Князев нанял меня именно для этого — дать мне посмотреть на то, что он — безногая собака теперь, которая злится, кидается на всех и никого к себе не подпускает. И правда, от него натурально разбегается персонал, даже не пытаюсь зайти с ним в лифт.

— Как Дима? — тихо спрашиваю я, когда он нажимает нужный этаж, и мы остаемся с ним наедине.

— Спроси у своего адвоката, — огрызается он.

— Ей откуда знать? — недоумеваю я.

— Вчера тебя это не интересовало, — язвит он, все также не глядя на меня.

— Вчера меня интересовало только то, чтобы ты дал мне шанс.

Он вдруг резко ударил по кнопке «стоп», а я отпрянула от него, вжимаясь в стенку. И мир снова стал прежним.

— Мила, еще одно слово на личную тему, и я тебе точно не дам никакого шанса, — взвырвался он, устремляя на меня горящий злостью взгляд. — Если ты думаешь, что я виляю хвостом от радости при твоём появлении — нет! Мое единственное желание — никогда не видеть тебя рядом! Но, ты права, я чувствую себя виноватым, поэтому стараюсь помочь тебе изо всех сил. Не усложняй мне задачу! Между нами нет ничего такого, о чем ты могла бы меня просто так спросить!

— У нас есть сын, — вставила я упрямо.

— Он есть у меня! — процедил он, опуская голову прямо как настоящий зверь. Будто я уже отбираю у него Диму, а он решает биться за него до последнего.

— Тебе придется признать, что теперь он есть и у меня, — сипло выдыхаю я, дрожа.

Князев пугает до чертиков, но у меня нет другого вариант вернуть себе ребенка, кроме как научиться не бояться этого мужчину.

— Да, — усмехнулся он презрительно, — твой адвокат дала мне это вчера понять. Похоже, дать тебе работу было ошибкой.

— И ты позвал меня только для того, чтобы размазать? — вскричала я, задыхаясь. Но нашла в себе силы оттолкнуться от стенки лифта и сделать к нему шаг. — Добить? Надеешься, что вытрясешь из меня все, что осталось, и я не смогу стать мамой для Димы?! Так вот, ты ошибаешься! — И я даже ткнула в него пальцем. — Я тебя не боюсь! И не позволю тебе себя запугивать!

Князев усмехнулся слишком многозначительно. С горечью, отчаянием... и превосходством. А меня захлестнуло жалостью к нему. Вот он, стоит поломанный во всех смыслах, а я ведь и правда могу отобрать у него сына. Это в моих силах его добить. Адвокат дала мне это понять вчера, но мне было не до этого. Я была занята тем, чтобы выстоять этот новый важный бой с Князевым сегодня. Только с удивлением обнаружила, что он сам еле стоит...

— Андрей, — начала было я, но он перебил:

— В рабочее время ты — мой ординатор. А я для тебя — Андрей Ярославович. А если хочешь мне что-то высказать, договоримся о месте и времени. С адвокатами.

Я молча проследила, как он вышел из лифта, и направилась следом за ним.

День будет долгим.

Глава 2

Я думал, мне будет несложно ненавидеть Милу. После всего... Да, она неправильная для меня женщина. Но не виновата в моем выборе. Она вообще ни в чем не виновата. Только я все равно ненавидел. За то, что не позволила остаться рядом, приказала уйти и не показываться. За то, что я перестал быть собой в те месяцы и искал смерти. За то, что так и не нашел...

Мила не дала мне шанса, но попросила о нем сама... Надо же. А я согласился, потому что тогда ей было гораздо тяжелее, чем мне. А я... я ненавидел себя, а не ее. Я не смог справиться со всем, что с нами случилось.

Мне бы закрыть перед ней двери и никогда не впускать. Но я впустил. И Мила сразу же напомнила мне о том, что так и осталась моей зависимостью. Когда она нашла в себе мужество дать мне отпор в лифте, я еле совладал с дрожью в пальцах, которые до смерти хотел сжать на ее горле...

— Андрей Ярославович, доброе утро, — встретила меня ассистентка у двери в приемную и, как хорошо выдрессированная собачка, подхватила куртку.

— Проводи Милу в ординаторскую.

Мила замерла у двери, не спуская взгляда с моей ноги. Да, детка, это все, что от меня осталось. Я поймал ее взгляд и усмехнулся, и она потупилась. Вот и отлично. Чем меньше будет кидаться на меня с доказательствами своей правоты, тем больше шансов у нас обоих выжить вообще.

— И мне кофе с коньяком, — бросил я последнее в приемную и вошел в кабинет.

Ночка у нас с Димкой вышла нелегкая. Я тоже почти не спал, как и Мила, но по другой причине. У сына прорезывались клыки, а это всегда тяжелый период. До трех утра я ходил с ним по гостиной туда-сюда, пока он слюнявил мне ключицу в полудреме. До пяти я думал о Миле и потягивал виски со льдом, когда сын уже вымучено дрых на мне. В седьмом часу меня разбудила няня, скрипнув дверным замком.

Я сел за стол, протер лицо и пододвинул к себе карты пациентов, по которым сегодня предстояло решить массу вопросов. И одна сложная операция была назначена после обеда.

— Андрей, на месте? Привет.

Я поднял взгляд от карты и укоризненно посмотрел на главу юридического отдела, который материализовался в соседнем кресле. Не было, наверное, человека более похожего на серого волчару. Он даже костюмы носил исключительно серые, а ранняя седина и такого же цвета глаза сбивали с толку даже оборотней. Но Георгий был человеком.

— Есть же у тебя минутка? — поинтересовался он так, что было понятно — вне зависимости от наличия времени мне придется его выслушать.

Вообще, Геру у нас боялись почти как меня. Но сейчас я безошибочно чувствовал, что он в поиске дружественного компромисса. А это значит, что я налажал. Но я не лажал. А значит, все же где-то налажал посерьезней...

— Милена Терентьева, — произнес он озабочено и воззрился на меня.

— И?

— Начну издалека...

— У меня нет на это времени, — недовольно вставил я.

— И все же, — не придал он моему рычанию никакого значения. — Как ты помнишь, ты — главный претендент на пост главного кардиохирурга при министерстве здравоохранения высших...

Да, я помнил. И это меня невозможно бесило, но мне приходилось терпеть. Роксана утверждала, что я рано или поздно найду в тупик — большая нога сведет мою практику на нет. И тогда меня либо спишут в утиль, на что мне было бы абсолютно плевать, либо дадут шанс остаться в среде управления системой здравоохранения. Оборотней там еще не было. И это не только политика, но и нечто более важное для таких, как я. Ну, и для меня это реальный выход, ведь у меня есть сын. Этим козырем Роксана размахивала перед моим носом очень виртуозно. Но она была права.

— Гера, ближе к делу, — потребовал я.

— Насколько я понимаю, Милена...

— Моя бывшая, — нетерпеливо перебил его я. — И?

— И отношения ваши сейчас так себе. Она — репутационный риск, Князев. Если что-то между вами пойдет не так, и она громко об этом заявит...

— Не заявит. Потому что ей нужно восстановить квалификацию.

— Почему ты?

— Потому что.

— Пристрой ее в другое отделение.

— Ей уже отказали везде. И нет, желание Роксаны, чтобы я уволил Милу, я исполнять не буду. Даже через тебя.

— Роксане в здравомыслии не откажешь, — парировал он. — И вы с ней — идеальная пара не только в плане репутации. Но и чисто как мужчина и женщина. Ты — ворчливый гений-самодур, а она — терпеливая Муза, которая тебя стабилизирует. Идеально для блестящей карьеры, в которой заинтересованы наши с тобой работодатели. Ты согласился выиграть эту гонку, Андрей. Варианта свернуть с пути уже нет. Все непросто.

— Ничего не случится, — возразил я.

— Ладно. Но, думаю, это не последний разговор на эту тему.

— Последний, если я устранию причину кругов по воде...

— Дипломатия — не самая сильная твоя сторона, — усмехнулся Гера.

— Только ультиматумы, Гера, — осклабился я, — только хардкор.

— Хочешь совет?

— Ты же знаешь, что нет.

— И все же, — Гера поднялся, — не обижай Роксану. Она и правда за тебя горой. Готова стоять до последней капли крови, а такое сейчас редкость. Тебе стоит на ней жениться, а не нервировать бывшими в твоей команде.

— Я же сказал — не нужно советов. Тем более, от человека.

— намекаешь на то, что у вас все сложнее, — кивнул он, — но ты отстал от времени, Андрей. Сейчас даже у таких, как ты, все проще. Я вижу это каждый день.

— Не у всех.

— Тогда, у нас с тобой тем более проблема...

— Нет никакой проблемы. Милена вернет себе квалификацию и покинет клинику. Думаю, она хочет этого еще больше, чем я.

— И все же я предлагаю составить для нее договор, который защитит тебя от претензий и клинику — от репутационных рисков.

— Ладно. Составляй.

— Спасибо за сотрудничество, — усмехнулся он. — И хорошего дня.

— И тебе, — буркнул я, проследив за ним взглядом.

Я застыла перед выделенным мне шкафчиком, положив руку на полку. Сердце колотилось в тревоге, и рука подрагивала. Черт, а я даже не переделалась еще... На какой-то момент показалось, что все зря. Ничего не выйдет. Князев мне больше не друг, не наставник... Он — мой бывший, который не хочет видеть. Неужели это поможет мне собраться и справиться с собой?

Тут в раздевалке открылись двери, и внутрь вошла шумная компания. Я выплянула из-за шкафчика. Двое мужчин и одна женщина довольно неординарной внешности. Ее волосы были сбиты полностью, на лице — ни капли косметики. Стил — строгий, мужской. Парни были примерно одного возраста. Один — славянской внешности, другой больше походил на южанина, наверное. И все с интересом уставились на меня.

— Привет, — улыбнулась женщина первой, — я — Лена.

— Мила, — ответила я на улыбку.

— Ты — новый ординатор Князева? — спросил светловолосый мужчина, проходя к соседнему шкафчику, и протянул мне руку, — Семен.

— Очень приятно. Да, ординатор Князева.

— А это — Виталья, — кивнул мне Семен на коллегу.

— Привет! — махнул мне тот. — И сочувствую. Добро пожаловать в клуб самых несчастных ординаторов в мире.

— Ну, началось, — усмехнулась Лена, стягивая сапоги. — Не слушай этих нытиков. Они просто все никак не могут поверить в свое везение. Сначала — попасть сюда. А потом — не вылететь через месяц.

— Это не везение, — возразил Семен, выглядывая из шкафчика, — это результат упорного труда, бессонных ночей, бесконечных дежурств и того факта, что желающих ассистировать Князеву очень мало. Но, вообще, Мила, в любой непонятной ситуации — дежурь. Неистово, фанатично, не жалея нервной системы.

— Думаю, Мила это понимает лучше вас обоих вместе взятых, — вставила Лена.

— Пожалуй, — слабо улыбнулась я. — Посмотрим...

— Так, а ассистента Князев себе нашел? — поинтересовался Виталий. — Вроде беседовал вчера народ в перерывах.

— Значит, не нашел.

— А куда делся его прежний ассистент? — поинтересовалась я.

— Перевелся в общую хирургию, — отозвалась Лена. — Да и... не сработались они. Князев вообще ни с кем сработаться не может. Характер. За это мы его и любим, да, парни?

Мужчины заулыбались, а я замерла от обрушившихся на меня внезапно воспоминаний, как мы оперируем с Князевым в темноте при свете фонариков...

— У него инвалидность же, — заметил Семен. — Ноги нет, отсюда и характер. А еще он — ветеран войны.

Могло показаться, что я — в прежнем мире, и что о природе Князева никто не знает. Но это была лишь иллюзия.

— Для оборотня потерять ногу — это вообще чуть ли не равно смерти, — продолжал Семен как ни в чем не бывало.

Руки в кармане халата взмокли, и я автоматически вытерла их о внутреннюю ткань.

— Ну, почему?.. — вставил Виталий. — Я, как оборотень, говорю тебе, что не настолько. Да, оборачиваться уже не так приятно — не побегаешь на трех лапах особенно. Но жить можно. Я прикипела к нему взглядом, которого не стоило допускать. И он это заметил.

— Что, ты недавно в нашем мире? — поинтересовался он беззлобно.

— Прости, — моргнула я и отвела взгляд, — да...

— Нелегкий переход? — участливо спросила Лена.

— Да, — судорожно кивнула я.

— Я так и подумала. Давно?

— Год.

— Теперь восстанавливаешь квалификацию, — предположила она.

— Да.

— Не самое простое место для этого, — поморщилась Лена. — Но Князев — царь и бог, конечно же. Только твою ранимую психику он учитывать не будет. К сожалению. Но, ничего. Держись нас. Мы — выжившие в этом отделении — команда. Первое время лучше Князеву под руку не попадать. Ну, а там сориентируешься.

— Спасибо, — слабо улыбнулась я.

Знали бы они, что я уже попалась ему под руку во всех известных смыслах...

— Традиционно, сначала утренний кофе, — сообщила Лена, когда мужчины направились к выходу. — Потом — летучка у Князева, обсуждение предстоящей операции и подготовка. Здесь — не бюджетная государственная больница, никто никуда не бежит, за место под солнцем не убивает и не выдирает зубами себе работу. Спать тут тоже ни с кем не нужно, что несказанно радует. Меня. Но не всех. — Я напряженно усмехнулась. — Здесь важно быть собранным, лучшим, профи. Умеешь — делай, не умеешь — смотри, как делает Князев. Все просто.

— Понятно, — серьезно кивала я. Лена нравилась. Такая уверенная, сдержанная, располагающая к доверию. А эти качества хирургу просто так не даются. — А можно личный вопрос?

— Смотря, что за вопрос.

— Ты давно в этом мире?

— С рождения. Моя мать была врачом в межмировой больнице. А мой отчим — ведьмак. К сожалению, отец — обычный человек. А я бы не отказалась от сверхспособностей и жутко завидую тем хирургам, которые ими обладают. Хотя, нередко это их и расхолаживает. Нам, людям, приходится быть умнее, шустрее, увереннее в себе, что дает нам возможность опережать одаренных.

Я уважительно хмыкнула.

— Мне не так повезло, — заметила я. — Я попала сюда при сложных обстоятельствах.

— Ты — не одна такая. Скорее, я — исключение. Поэтому, не считай, что это должно откинуть тебя назад. Ты переживешь сложный период и сможешь раскрыть свой потенциал. В реальном мире масса преимуществ. Главное — нас здесь меньше, чем нужно.

— Там — тоже...

— Но здесь это ценят, — парировала она. — Зарплата, уважение, обучение, возможности. Я вот захотела к Князеву попасть — и, пожалуйста! Мне дали шанс, я использовала.

— Уже оперировала представителей других рас?

— Я работаю с людьми, мне больше нравится. Но сюда пришла попрактиковаться работать на открытых сердцах оборотней. Там совсем другие условия...

— Это да.

Пока мы говорили, прошли коридор закрытого крыла для персонала и вышли в просторную галерею с видом на город. Тут же располагался кафетерий, вдоль окон — столики с креслами, а в центре — большой круглый стол с диванами.

— У глав отделений своя комната отдыха, так что тут можно расслабиться — редко кого встретишь, — сообщила мне Лена.

Парни махнули нам рукой от стойки заказа, мол, заняли очередь. Кроме нас в ней оказалось еще пятеро врачей. Двое говорили по телефону, третий подозрительно пошатывался, оперевшись за прилавок, и тер глаза. Вероятно, ночное дежурство и предстоящий обход. Знакомо. А перед нашей группой оказалась эффектная женщина в короткой юбке, белом халате и на высоких изящных каблуках. Ее рыжие волосы были идеально уложены — локон к локону, а, когда она обернулась и бросила взгляд мимо меня в окно, я залюбовалась ее большими глазами. Да еще и необычные такие — глубокого синего цвета, подчеркнутые макияжем, они притягивали взгляд.

— Здравствуйте, — сдержанно поприветствовали ее мои коллеги.

Она, будто заметив их, кивнула и неожиданно задержалась на мне.

— У вас прибавление? — изогнула она изящную бровь.

— Милена Терентьева, — представилась я, но ее это будто и не интересовало уже.

— Да, Милена — новый ординатор Андрея Ярославовича, — ответила Лена с готовностью.

Рыжая коротко улыбнулась:

— Поздравляю с должностью, — изогнула она губы в усмешке и отвернулась к стойке.

Лена же красноречиво округлила мне глаза, давая понять, что... ну, что что-то сейчас произошло, но она, видимо, объяснит позже. Только я не ожидала, что это объяснение срывает меня на повал.

— Роксана Львовна Барбидокская, — начала было Лена серьезно, когда мы уселись за свободный столик, на что я удивленно округлила глаза, а парни сдавленно захрюкали.

— В миру — Кельн, — сдержанно улыбнулась Лена. — Роксана Львовна Кельн — глава отделения детской хирургии и неонатологии. Супер-звезда клиники, потомственная распотомственная хирургиня...

— Не подай козе баян.

— Так не говорят, Виталик, — заметил Семен. — Хотя про Барбидокскую не зазорно.

— Короче, в ее присутствии говорить лучше меньше, смотреть и дышать — тоже, — подытожила Лена.

— Ладно, — кивнула я.

— А еще они встречаются с Князевым, — вдруг добавила она.

И мне будто под дых дали. Я замерла с прямой спиной и задержала дыхание, часто моргая. — Хотя, Князев — тот еще, блин, джентльмен, — продолжала Лена, ничего не замечая, — но некоторым женщинам нравятся такие — безэмоциональные жесткие мужики...

— Ну, а тебе бы с Князевым не хотелось бы закрутить? — поинтересовался Семен.

— Нет, — решительно покачала головой Лена, — я бы такого не вывезла.

— Может, он дома котенок, и только на работе — «зверище», кто знает? — философски предположил Виталий.

— А я слышал, что Князев претендует на пост главы кардиохирургии в совете здравоохранения, — поведал Семен. — Роксана — стратег. За правильного мужика держится. Другая его и не выдержит, это точно.

— С гениями сложно, — подтвердила Лена. — У него тяжелый характер. После того, через что он прошел, у него проблемы с мотивацией. Может, там все на Роксане и держится? По крайней мере, она за ним бегаёт очень шустро каждый раз, когда пахнет жареным, и нужно его погладить против шерсти. — Тут Лена повернулась ко мне: — Короче, мы на нее молимся, когда Князев не в духе. Если прибежит Роксана, то будет шанс, что...

— Я просто хочу работать, — перебила ее я и прикрыла глаза, принимаясь тереть виски, — мне... не важно, с кем там спит Князев и кто его теперь успокаивает...

— А кто успокаивал его раньше? — насторожился Виталий.

— Я не знаю, — мотнула я головой и поднялась. — Подожду вас в ординаторской...

И я едва ли не бросилась из кафетерия, чувствуя непонятное смятение. Хотя, что тут непонятного? Пока я приходила в себя, Андрей нашел себе другое успокоительное — эффектную рыжую красотку, которая... что? Заменяла Диме маму? Интересно, она знает, кто я? Хотя, кто я, если не полная дура? С чего я решила, что мне не мешает личная жизнь Андрея? Как я собиралась отгородиться от этого?

Хотелось бежать, куда глаза глядят...

— Мила, все в порядке?

Я перевела взгляд на Лену, вошедшую в ординаторскую, и судорожно закивала.

— Слушай, если тебе нужна будет помощь, ты всегда можешь обратиться ко мне. — Она прошла к дивану и села рядом. — Что, думаешь, что переоценила свои силы?

— Все нормально, — мотнула я головой.

— Я знаю, как тебе хочется вернуть себе чувство контроля. — И она положила мне руку на плечо. — Оперировать — это истинная страсть. И ты обязательно ее себе вернешь. Не спеши.

Я слабо улыбнулась и благодарно кивнула:

— Спасибо.

— Время летучки у Князева. Пошли.

— Да.

Я шла как во сне, чувствуя я себя разобраннным конструктором. То, что Максим собирал столько месяцев, развалилось, стоило услышать, что у Князева есть избранница. Во мне сразу не стало ни уверенности в себе, ни в своих силах, ни в своем профессионализме. Да что ж такое?

В зале совещаний я села рядом с Леной, но не могла отделаться от чувства, что я — маленькая глупая девочка, которая перепутала выпускной класс с ясельной группой...

— Пациентка с редким врожденным пороком сердца попала к нам в центр грудной хирургии от знакомого эндокринолога, который заподозрил неладное, — тем временем степенно говорил Князев. — Девушку с раннего детства возили по кардиологам — карта там едва ли не толще Китайской стены. Но никто так и не поставил правильного диагноза. Сейчас стало понятно, что она родилась под счастливой звездой, а ангел-хранитель там не с одной парой крыльев. Два года назад она стала мамой, а нам остается порадоваться, что ей все же запретили рожать самой и сделали кесарево.

Он перевел взгляд на экран, на котором были представлены результаты МРТ.

— Но на этом везение не кончилось, — продолжил он. — Недавно началась одышка, слабость, повышенная утомляемость. Пациентка забеспокоилась и попала ко мне. Когда я озвучил ей диагноз и объяснил необходимость срочной операции, она плакала. Но не от того, от чего следовало бы — от радости, что ей повезло, наконец, получить тот самый диагноз, с которым младенцы не доживают до первого года жизни в девяноста процентах случаев. Она

плакала от страха, что никто ни разу не сказал, насколько у нее все серьезно... — Князев сделал паузу, давая нам изучить карты. — Диагноз: субаортальный стеноз с подклапанным фиброзно-мышечным кольцом. СБУГ. Градиент давления через субаортальную область — восемьдесят миллиметров ртутного столба. Толщина фиброзного кольца по ЭхоКГ — семь миллиметров. Функция левого желудочка сохранена, фракция выброса — пятьдесят восемь процентов. Сопутствующая недостаточность аортального клапана первой степени. План операции — иссечение субаортального фиброзно-мышечного кольца через аортотомию с возможной септальной миэктимией. Пластика аортального клапана. Вопросы?

Все молчали. Князев обвел хмурым взглядом собравшихся и задержался на мне.

— Ассистировать мне будет Вагаршак Романов, — заключил он, отвернувшись. — Через двадцать минут начинаем.

— Романов — детский кардиохирург, специализируется на врожденных пороках, — объяснила мне Лена, когда мы вышли в коридор. — Шикарный случай поучаствовать в операции такого редкого порока. В Бакулева за всю историю этих случаев по пальцам одной руки можно пересчитать.

— Успеем покурить, — толкнул Семен Виталия, и они поспешили к лифтам.

Лена неодобрительно посмотрела им в след:

— Сем, у Витали легкиe регенерируют, а у тебя?

— А у меня кортизол понизится, — огрызнулся тот.

— Ты как? — обратилась ко мне Лена, когда мы вошли в раздевалку. — Нормально?

— Да, Лен, спасибо. Но, не переживай слишком сильно...

— На самом деле я переживаю, что на троих в неделю больше ночных дежурств, чем на четверых, — усмехнулась она. — Ты — мой шанс уехать на выходные к подруге и конкретно загулять.

— Понятно, — улыбнулась я.

Показалось, что меня стало немного отпускать. Но, когда впереди качнулись двери операционного блока, я сжала зубы. Захотелось схватиться за стенку и переждать панику, но я упрямо двигалась вперед, пытаясь сконцентрироваться на ликбезе Князева — вспоминала снимки и историю болезни. 3D-проекция сердца поражала. Какие же обходные пути способна находить жизнь там, где привычная дорога закрыта... Сердце пациентки было произведением искусства.

Инкрустированное сплетением артерий, которого не должно быть, оно так хотело жить, что создало вокруг себя сетку дополнительного кровоснабжения, которое долгие годы компенсировало порок. Как же вовремя она попала к Князеву...

Глава 3

И это сработало. В предоперационную я вошла спокойно. А когда увидела пациентку с медсестрами, решительно направилась к ней.

— Привет, — улыбнулась бледной девушке.

— Здравствуйте, — нервно выпалила она. — А вы...

— Я врач, хирург. Меня зовут Мила.

— А я — Рената, — закивала она.

— Доктор Князев вас уже видел?

— Нет еще. Он не особо любит говорить... Но, знаю, что он — лучший.

— Да, лучший. А еще он умеет оперировать даже в темноте, — добавила я с улыбкой.

Рената слабо улыбнулась, а меня осенило — это же никого не удивляет здесь. Все знают, что Князев — оборотень.

— Совсем в темноте? — переспросила вдруг Рената.

— Ага. Всякое было...

— Ух ты. Это обнадеживает.

— Еще бы, — смущенно улыбнулась я. — Так что, не бойтесь. В руках такого хирурга и условиях такой клиники с вами будет все отлично.

— Но, мне говорили, что диагноз у меня редкий...

— Каждое сердце уникально, — увереннее возразила я. — Но хирурги умеют быстро ориентироваться в любой ситуации, а, кроме того, строение вашего сердца изучили самым тщательным образом и точно знают, что делать.

Рената улыбнулась спокойнее.

— А вы будете на операции? — спросила она.

— Да, я буду рядом.

— Хорошо.

— А откуда ты знаешь, что Князев умеет оперировать в темноте? — послышалось позади, когда пациентку начали готовить к наркозу.

Я обернулась к Лене:

— Я работала с ним в военном госпитале.

Смысла врать не было.

— О, вот как? — удивилась она. — Ассистировала ему?

— Да, — понизила я голос.

— Но тогда еще не знала, кто он, — догадалась Лена.

— Да, — кивнула я.

— А почему он не взял тебя ассистентом?

— Я плохо пережила адаптацию, — и я судорожно вздохнула. — Повезло, что вообще взял. — На ее сочувствующий взгляд я поспешила объяснить: — Мне рекомендовали начинать возвращаться в профессию постепенно. Пока что нужно вспомнить основы и перестать бояться.

Лена понимающе кивнула, а мне будто бы немного стало легче. У меня не было друзей в новом мире. Кроме Максима. Но Максима тут не было. И намек хоть на какую-то близость здесь немного распустил ощущение стягивающих узлов поперек грудной клетки.

Князев вошел в операционную, когда Ренате дали наркоз. Анестезиолог кивнул, и он склонился над пациенткой. Я же задержала дыхание и тяжело сглотнула.

— Пациентка Рената Владимировна Крылова, тридцать четыре года, — произнес Вагаршак Романов ровным деловым тоном, обращаясь к собравшейся команде. — Диагноз: врожденный субаортальный стеноз, тип СБУГ с подклапанной мембраной. Градиент систолического давления — девяносто два миллиметра ртутного столба. Фракция выброса левого желудочка — сорок восемь процентов. Я буду действовать сегодня, как второй хирург. Основную партию ведет Андрей Ярославович.

А у меня неприятно сжалось в груди. Страх вдруг отпустил полностью, и меня заполнило хорошо знакомой дрожью. Мне до чертиков захотелось стоять рядом с Князевым, слышать его напряженное дыхание, запах, чувствовать его напряжение... Я снова тяжело сглотнула, и Князев вдруг бросил на меня быстрый взгляд. Прочитать, что там в нем было, я не успела.

— Лена, — коротко позвал он, и коллега направилась к столу.

Я же лишь сжала зубы. Чувствовал ли Андрей мое состояние? Вряд ли, здесь столько шума и посторонних запахов... Да и какой смысл ему пускать меня к пациенту? Я же... У меня же руки дрожат. И он это знает. Конечно, не пустит. Да если бы и не дрожали — он тоже не пустит...

Чем больше я себя накручивала, тем тяжелее дышала.

— Если кто-то собирается упасть в обморок в операционной, лучше заблаговременно ее покиньте, — вдруг попросил Князев недовольно, и я задержала дыхание.

Ну, я и не ожидала, что он будет со мной носиться. Пришлось постараться больше не привлекать его внимание, и я переключилась на Лену. Она работала очень решительно и уве-

ренно, я аж засмотрелась. Да, вот также и я хочу в скором времени. Забыть обо всем, что было, и погрузиться в процесс всем своим существом.

— Ретрактор, — скомандовал Князев, и обстановка в операционной начала накаляться. Романов стоял, не шевелясь и не спуская взгляда с области операции. Лена была все также сосредоточена.

Когда грудная клетка оказалась раскрыта, я обратилась взглядом к камерам, на которой было видно открывшееся сердце — увеличенное, гипертрофированное, бьющееся.

— Перикард тугой, — отметил Романов ровным голосом, но это означало, что напряжение в ближайшие часы будет лишь расти. Потому что операция рисковала пойти не по плану.

Процедура подключения к аппарату искусственного кровообращения подошла к концу, температура тела пациентки медленно пошла снижаться до целевых двадцати восьми градусов.

Пока биение сердца Ренаты замедлялось, я забывала, как дышать. Наконец, Князев взялся за скальпель и сделал надрез на аорте.

— Мембрана толще, чем показывала эхокардиография, — отметила Лена.

— Если иссекать стандартно, есть риск повреждения митрального аппарата, — добавил Романов.

— Вижу, — напряженно ответил Князев. — Начинаю мобилизацию мембраны.

Только вскоре стало ясно, что анатомия еще сложнее. Фиброзные тяжи были плотно спаяны с основанием митрального клапана, а в глубине перегородки виднелись дополнительные мышечные пучки. Я не спускала взгляда с картинки на экране, почти не моргая.

— Это комбинированный порок с мышечной гипертрофией, — наконец, постановил Романов. — Что будем делать, Андрей? Протезирование митрального клапана?

Только протезирование клапана у тридцатичетырехлетней женщины означало пожизненную антикоагулянтную терапию, риски кровотечений и тромбозов и ограничения в будущем материнстве... Князев сосредоточенно молчал, а у меня запекло в области солнечного сплетения. Перед мысленным взором вспышкой мелькнул взгляд Ренаты, когда я обещала ей, что все будет хорошо...

— Андрей Ярославович, у меня есть предложение!

Голос, хриплый и дрожащий прозвучал в операционной так неожиданно, что я сама вздрогнула, не сразу сообразив, что это мне все же удалось открыть рот.

Князев даже не взглянул на меня, но Романов кивнул:

— Говорите.

— Поврежденную хорду можно заменить синтетической нитью Gore-Тех. Техника Дэвида показывает отличные результаты при изолированных разрывах хорд, — сбивчиво затараторила я. — А для иссечения подклапанной структуры предлагаю использовать доступ через межжелудочковую перегородку — септальную миотомию по Морроу. Это позволит удалить и мембрану, и гипертрофированные мышечные пучки без риска для митрального аппарата.

Даже по глазам Князева было видно, что он не готов был меня услышать. Или вообще предпочел бы отменить свое решение дать мне шанс.

— Рискованно, — с сомнением покачал головой Романов. — При неточном выполнении можем получить полную поперечную блокаду.

Меня же внезапно заполнило злостью. Князев что, потерял хватку? Что он стоит, как пришибленный? Где его хорошо знакомая мне дерзость?

— Альтернатива — протезирование двух клапанов у молодой женщины, — твердо возразила я. — Это приговор к инвалидности.

— Хорошо, — неожиданно кивнул Андрей. — Начинаю пластику хорды.

Я шумно выдохнула, и перед глазами на миг потемнело. Но я только тряхнула головой, пережидая приступ панической атаки.

— Андрей Ярославович, может, Миле стоит вам ассистировать? — спросила Лена осторожно.

— Нет, — отрезал он, и в груди похолодело.

Нет, конечно же, я не смогла бы...

Не смогла...

Князев не имел права позволить мне взяться за скальпель. Не мог в меня поверить. Не стал бы.

Я же даже сама в себя не верю...

Происходящее на мониторе расплылось, и я отчетливо шмыгнула носом.

— Удалите Терентьеву из операционной, — вдруг прорычал Князев.

Я замерла, как от пощечины в повисшей тишине, но через секунду уже покидала операционную стремительным шагом, стараясь не бежать...

— Отличная работа, — выдал я дежурное, поглядывая на мониторы. — Переводите в реанимацию.

— Спасибо за работу, коллега, — отозвался Романов и уже в моечной начал разговор, который предполагался с того самого момента, как Мила подала голос. — А отличная идея возникла у твоего ординатора. Смелая девушка, грамотная... Кажется, что опыта у нее немало...

— Да, — мрачно отозвался я.

— Ты ее давно знаешь?

— Да, в военном госпитале работали.

— Вот как... А почему ты удалил ее из операционной, Андрей?

— Она мне мешала. — Я выпрямился и направился к выходу.

Но он не отставал:

— Может, я заберу ее в детское отделение?

— Не получится. У нее ограничения. Я взял ее на испытательный срок.

— Прости, что я это скажу, но тебе не стоило так с ней вести себя. Я вижу, что она очень нервничает...

Я резко остановился и посмотрел коллеге в глаза:

— Она — мой ординатор, Вагаршак. И нет, тебе я ее не отдам.

Лицо Романова отразило недовольное разочарование, и этого было достаточно. Он отстал, а я, наконец, остался наедине со всем, что пришлось сегодня испытать в операционной. И даже секретарь, вспорхнувшая из-за стола навстречу, не смогла обратить моего внимания на себя. Но, когда я вошел в свой кабинет, стало понятно, что именно она хотела мне сообщить.

Меня ждала Роксана. Она обернулась от окна, когда я закрыл двери кабинета, и оценивающе посмотрела мне в лицо. Я задержался на входе на короткий момент, скрипнул досадливо зубами и прошел к столу.

— Не время, — бросил, тяжело опускаясь в кресло.

Ногу прострелило болью, и я поморщился.

— Я видела, что произошло, — холодно сообщила мне Роксана, сложив руки на груди. — И не нужно уходить от разговора, Андрей.

— Я не могу сейчас никуда уйти, — выверился я. — Если ты не заметила.

— Заметила. С ее появлением тебе стало хуже. Но это — не самое страшное. Ты повел себя непрофессионально, рисковал ходом операции лишь бы поддержать Милу, да? Лишь бы ее предложение было дельным...

— С каких пор мне нужно тебе отчитываться? — прорычал я. — Есть сомнения в моих решениях — собирай комиссию.

— Андрей, перестань! — взвилась Роксана. — Возвращение Милы в твою жизнь — это программа самоуничтожения, которую ты снова запускаешь! И я этого не позволю! Я костыми лягу, но не дам ей тебя добить!

— Перестань со мной разговаривать и обращаться, как с тупорылым щенком! — бросил я. — Я не буду отчитываться перед тобой о своих решениях! Сомневаешься — вызывай комиссию!

— Ты убрал ее из операционной не просто так...

— Она не справлялась со своими эмоциями и мешала мне!

— Вот именно, что мешала. Ты не можешь сейчас ошибиться, Андрей. Только не сейчас!

— Я не собираюсь ошибаться. Ее предложение было отличным, можешь спросить у Романова. Но, нет, ты мчишься делать мне нервы, не удосужившись досмотреть операцию до конца и разобраться в произошедшем. Ты хочешь тыкать и возить меня мордой в мою несостоятельность! Но, черта-с-два, Рокс! Сначала докажи, что я некомпетентен.

— Я просто говорю, что ты уязвим! Андрей, ведь только-только все наладилось... — Взгляд Роксаны дрогнул. — Ты и сам знаешь, что появление здесь Милы ставит тебя под удар. Но я буду рядом. Как и всегда.

Она развернулась и вышла из кабинета, а я поморщился от нового приступа боли. Подумалось, что нужно бы найти Милу и поговорить о том, что произошло в операционной. По крайней мере, хороший наставник так бы и сделал. А плохой в моей морде осознавал, что переживает. Это у меня есть сын, а дети — неплохой стимул жить, и не абы как, а достойно. Насколько это возможно. А у нее нет ничего. Вообще. Пока что. Кроме надежды вернуть себе скальпель в руки.

Я кое как поднялся и направился искать Милу.

— Еле нашла тебя...

Я обернулась и увидела позади себя Лену.

— Прости, ты, вероятно, очень старалась, чтобы тебя не нашли, — констатировала она и оглядела закуток сбоку от зоны курилки. Здесь была вбита пара лавочек и неказистая береза с запущенной клумбой. Видно, что за ней давно не ухаживали, и бархатцы с календулой, предоставленные сами себе, вытягивали стебли и лезли сквозь пышную лебеду к холодному солнцу. С березы то и дело осыпались пожелтевшие листья. Лена выпутала из моих волос парочку таких и опустила рядом на лавочку.

— Я в порядке, — заверила я ее. — Спасибо.

— Я просто хотела в этом убедиться. А еще сказать, что ты предложила отличное решение из сложившейся ситуации в операционной. Сначала мне показалось, что оно слишком рискованное, но потом я поняла, что ты знаешь Князева очень хорошо. И ты не сомневалась, что это ему удастся. А вот мне пришлось соответствовать его ассистенту из всех сил. И, скорее всего, я соответствовала тебе.

— Это было давно, — покачала я головой, отказываясь принимать похвалу. — Теперь я не могу справиться даже с эмоциями, не то, что со скальпелем.

— Кстати, и кое-что еще я хотела сказать. Не принимай то, что Князев попросил тебя уйти, как свою проблему. Он должен был дать тебе шанс...

— Нет, не должен, — решительно возразила я.

— А я уверена, что ты бы прекрасно ему ассистировала.

— Не надо, Лен, — замотала я головой. — Мне слишком хочется в это верить.

— Ты всего лишь первый день здесь работаешь. У тебя завышенные требования к себе. Я шумно выдохнула и благодарно ей улыбнулась:

— Спасибо. Но ты же знаешь, что наша профессия не терпит других.

— Это да, — согласно кивнула она. — А еще... тебя ищет Князев.

— Черт, — вырвалось у меня, и я запрокинула голову.

Вообще не хотелось бы его сейчас видеть и выдерживать очередной раунд нашей с ним войны.

— Давай, будь смелой, — подбодрила Лена.

Пришлось плестись в хирургический корпус, периодически останавливаясь для того, чтобы выровнять дыхание. Князева на месте не оказалось, пришлось подождать.

— Будете кофе? — предложила мне секретарь, скорее, на автомате.

Потом, кажется, опомнилась, что это я прорывалась через нее в кабинет Князева вчера, и лицо ее поубавило яркости.

— Простите за вчерашнее, — обратилась я к ней, немного замешкавшись.

— Ничего, — натянуто улыбнулась она. — В нашей жизни нужно быть пробивным и уметь добиваться своего. Вы... молодец.

Я слабо улыбнулась и отвела взгляд. Ждать пришлось долго. От постоянного мандража меня стало клонить в сон, и, когда в кармане зажужжал мобильник, я вздрогнула.

— Привет, Мил, — послышался голос Макса.

И я невольно улыбнулась. Рада была его слышать. И даже больше. Я бы сейчас с удовольствием оказалась на его кушетке с чашкой чая...

— Привет, — выдохнула в трубку тихо. — Я не очень могу говорить...

— Тогда перезвони, как сможешь, хорошо?

— Ну, я... немного могу... — Я поморщилась от своей неуклюжести. Приемная большая, мой тихий разговор вряд ли помешает секретарю. Прощаться с Максом не хотелось.

— Как ты там? — обеспокоено поинтересовался он.

— Так себе, — сдавлено ответила я. — Первый день комом. А ты как чувствуешь...

Он немного помолчал, а я снова поморщилась.

— Что случилось? — спросил, наконец.

— Не смогла справиться с эмоциями в операционной...

— Надеюсь, ничего непоправимого?

— Нет-нет, мне бы не позволили, не переживай. Просто я разнервничалась. Пациентка... Я с ней говорила перед операцией, попыталась успокоить и вдохновить...

— Ну, это вполне безопасные первые шаги, — настороженно заключил он.

— Да. Но ситуация оказалась сложнее, чем предполагали... И... я не смогла взять себя в руки.

— Понятно. И как Князев к этому отнесся?

— Он... попросил меня покинуть операционную...

Я бросила взгляд на секретаря, но та была занята разговором по внутреннему телефону, и я откинулась спиной на кресле и прикрыла глаза. Макс давал время, как и обычно, а я просто сидела и... чувствовала, будто мир снова уплывает из-под ног.

— Когда ты заканчиваешь сегодня? — нарушил он тишину.

— А? — я открыла глаза и неожиданно обнаружила в приемной Князева. Он смотрел на меня от стола секретаря, всем видом будто показывая, что ждет.

— Я заеду за тобой, — сообщил Макс. — Во сколько только скажи...

— Хорошо, напишу тебе позже время, ладно? — растерянно отозвалась я, не в силах даже подумать, на что я сейчас соглашаюсь.

— Буду ждать.

Князев проследил темнеющим взглядом, как я убираю мобильник в карман.

— Я, может, потом зайду? — тихо поинтересовалась я у него.

— В кабинет, — прорычал он, кивая на двери.

Черт, Лена права. Я слишком хорошо знаю Князева. И этот его взгляд не предвещает ничего хорошего.

— Ты меня уволишь? — обернулась я, едва шагнув в его кабинет. И чуть не влетела в его грудь.

— Садись.

Я прикрыла глаза, когда он прошел мимо к столу, и вздохнула. Выносить эту тишину не было сил, хоть прошло всего несколько секунд.

— Что... что тогда? — потребовала я.

Но ему было плевать на то, как мне хочется быстрее отсюда вылететь. Он тяжело опустился в кресло и болезненно поморщился.

— Ты поняла, почему я тебя удалили в ходе операции? — спросил он устало, подняв на меня взгляд.

— Я тебе мешала, — с готовностью обозначила я, и мы замерли взглядами друг на друге. Только я быстро отвела глаза в сторону, сбегаая от его внимания.

— Ты работаешь с психотерапевтом? — вдруг поинтересовался он.

— Да, — ответила, не глядя на него.

— Тогда поменяй его. С чего ты начала разгонять эмоции после своей блестящей идеи? Ты же не ждала, что я сразу пушу тебя за стол?

— Нет, конечно.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю...

Только от этого его «смотри на меня» тело будто кипятком ошпарило, и я зажмурилась. «Смотри на меня»...

Эти слова были слишком связаны с Андреем. Они были только его. И меня тоже делали его. Андрей требовал, чтобы я смотрела на него не раз. Для него это было важно всегда. И когда мы занимались сексом в душевой, и когда лежали на полу госпиталя под обвалившейся стенкой. Уши на секунду заложило, и я будто снова услышала грохот. Я задыхалась от пыли и тяжести, которая сдавила грудную клетку, а Князев орал мне в лицо, чтобы я смотрела на него и не смела закрыть глаза...

— Мила...

Я тяжело сглотнула.

— Все нормально, Андрей... Ярославович, — кое-как выдавила я и посмотрела на него. — Этого больше не повторится.

Он поморщился, будто я сделала ему больно.

— Мне не стоило просить тебя покинуть операционную, — вдруг сказал он, понизив голос до хриплого.

— Нет, стоило, — зачем-то начала препираться я. — Тебе ничто не должно мешать.

— Ладно, свободна. — И он отвел взгляд.

А я словно увидела трещину в его железобетонной обороне. Вот она — можно потрогать, запустить туда пальцы... но я не стала. Хотя, очень хотелось попросить его позволить мне увидеть сына. Но... не сейчас.

В полумраке палаты было тихо и спокойно. Ровно, как и с послеоперационной динамикой Ренаты. Единственное, ее муж рвался увидеть жену, но я отказывал. Да, такая степень привязанности прекрасна, но она же — источник слишком сильных эмоций, которые пока что ни к чему моей пациентке.

Я смотрел на лицо Ренаты, пока та приходила в себя, а сам вспоминал Милу после родов. Я также сидел у ее кровати и надеялся на чудо, хотя прекрасно понимал, что его не случится. Беременность лишь осложнила ее эмоциональное состояние, а роды не могли его исправить. А еще я думал о том, что воспользовался состоянием Милы и заставил ее выносить своего ребенка... Я не смог дать разрешения на аборт... Наверняка, адвокат Милы будет на это давить, преследуя цель лишить меня прав на Диму. Да, это будет финальный гвоздь в этом деле.

— Как самочувствие? — спросил я тихо, когда Рената открыла глаза.

— Ура... — просипела она, и я улыбнулся. — Я жива.

— Были сомнения?

— Было страшно.

— Все прошло отлично, — сообщил я, зная, как сильно хотят услышать эти слова пациенты после операции.

— Спасибо, — выдохнула она с облегчением.

— Мы немного отклонились от плана, потому что ваше сердце затаило сюрприз внутри. Но, благодаря одному врачу, который оказался на операции, разгадка быстро нашлась.

— Это была Мила?

Я удивился.

— Откуда вы знаете?

— Она сказала, что вы умеете оперировать в полной темноте. Мне показалось, что она вас хорошо знает. И свое дело — тоже.

Я слабо улыбнулся.

— Да, Мила.

— А она придет?

— Придет.

— Я бы хотела ее увидеть, — улыбнулась Рената устало.

Закончив осмотр, я вышел в коридор, тут же замечая у поста Оксану. Мой босс, руководитель клиники и просто шикарная женщина, несмотря на возраст. Она махнула мне рукой, мягко улыбнувшись, и я приказал себе разжать зубы и ответить ей на улыбку. Помимо всего перечисленного, Оксана была еще и близким другом моих родителей. И я ждал, что она вот-вот узнает все о Миле. Нет, мама бы не вмешивалась просто так, но наша с Милой история вышла за пределы нас двоих.

— Андрей, — улыбнулась Оксана мне шире, когда я подошел к посту, — наслышана про последнюю операцию. Поздравляю...

— Ты же знаешь, что я этого не люблю, — сузил я глаза на ее лице, — значит, за что-то меня уже наказываешь... Продолжить угадывать?

Оксана бросила взгляд на медсестер за стойкой и кивнула мне на коридор.

— Я просмотрела запись операции, — сообщила Оксана, когда мы отошли подальше. — А она у тебя умница...

— Она не у меня.

— Как же? Ты взял ее в ассистенты...

— Ординатором.

— Ну, это, видимо, на бумаге... А сработали вы именно как партнеры. Вагаршак был очень впечатлен. И, знаешь, зря ты ее взял ординатором. Еще раз выгонишь ее вот так, и я не смогу объяснить Романову, почему запрещаю ему забрать Милу к себе в отдел.

— Он и к тебе уже подкатил, — и я скрипнул зубами.

— Угу. Андрюш, я слышала мнение, что ты Милу зря к себе взял. Мол, она разрушит твою карьеру, жизнь... — Оксана остановилась и повернулась ко мне. — Но я думаю, что это очень хорошее решение. Тебе так не кажется?

— Оксан, я плохо соображаю, видимо, после операции... Что ты имеешь ввиду?

— Что Князевы выбирают себе не просто женщин, а очень талантливых женщин. Это ваша слабость.

— И? — начинал злиться я.

— Если бы не Мила и ее решение, что бы ты стал делать на операции?

Повисла тишина. Я смотрел на Оксану напряженно, она на меня — с интересом. И я понял, к чему она клонит. Без Милы я бы пошел самым простым путем — заменил бы клапаны.

— Вижу озарение, — довольно констатировала Оксана.
— Уверена, что тебе нужен именно такой глава кардиохирургии?
— Какой же? — вздернула она брови. — Живой, с блеском в глазах и обоснованным риском в решениях? Конечно, я предпочту такого.
— И все? — усмехнулся я.
— Все остальное — не мое дело. Но о тебе есть, кому позаботиться.
— Ну, понятно. Только Мила пройдет у меня адаптацию и покинет отделение. Если хочешь, можешь оставить ее в клинике.
— Хочу оставить ее в твоём отделении. И в твоей команде, — с вызовом посмотрела она.
— Когда ты говорила о тех, кто у меня есть, я думал о матери, — оскалился я.
— А это не для тебя, — возразила она деловым тоном. — Это я для клиники делаю. Уверена, когда Мила Тереньтева оправится, станет для тебя самым лучшим ассистентом.
— А я уверен, что это — подстава.
— Полегче, Князев, — делано нахмурилась она и погрозила мне пальцем. — Как Дима?
— Зубы меняет.
— Ох, сочувствую. Справляешься?
— Спасибо. Справляемся.
Ее взгляд наполнился сочувствием.
— Я не знала, — тихо сообщила она. — О том, что с вами случилось... Сочувствую, Андрюш.
— Это все — в прошлом.
Оксана, конечно, пропустила последнее мое заверение мимо ушей. Она коротко коснулась моего плеча и оставила меня посреди коридора одного.

Глава 4

Я чувствовала себя растеряно. И не только из-за событий этого дня, но и осознавая, что жду Максима у выезда из клиники. Стемнело, накрапывал дождь, холодный ветер разгонял остатки следов дневного задумчивого листопада, оголяя блестящий мокрый асфальт. Я поглядывала на клинику, осознавая, что меня снова привязало к Князеву всего лишь за пару дней. Мне нестерпимо хотелось назад, чтобы видеть Андрея, держать в поле зрения, будто от него зависит все. А, разве, нет? Одно его слово — и моя жизнь снова покатится под откос...

Подумалось про Диму. Готова ли я к нему на самом деле? Иногда мне казалось, что нет. Что я использую его, как карабин, чтобы удержаться на этой отвесной стенке за Князева...

Тут с дороги свернула машина и остановилась рядом, а из водительской двери вылез Макс. В светлом пальто и костюме, как всегда стильный и идеальный, он улыбнулся и открыл мне пассажирские двери:

— Привет! Садись.
— Привет, — нерешительно замерла я. — А... куда? Куда мы едем?
— Куда скажешь. — Он выжидательно замер, но, видя мою нерешительность, объяснил: — Ты не хочешь приходить на сеанс. А я не хочу бросать тебя сейчас одну.
— Макс...
— Никаких ожиданий, — перебил он, точно определяя причину моего смятения. — Не придумывай себе чувство вины, пожалуйста. Это — всего лишь твой предлог, чтобы улизнуть. Я кивнула и села в машину.
— Может, поужинаем? — предложил Макс, усаживаясь за руль.
— Можно.
— Хорошо. Есть пожелания?
— Я бы сказала, что хотела бы, чтобы там был диван, но боюсь уснуть. Особенно, когда поужинаю...

— Не переживай, я тебя не брошу на диване, — улыбнулся Макс и выкрутил руль в сторону проезжей части.

Через полчаса мы уже сидели в небольшом кафе с уютным домашним названием и такой же обстановкой. От тепла и полумрака стало клонить в сон даже без еды.

— Устала? — участливо поинтересовался Макс.

— Есть немного, — улыбнулась я и смущенно отвела взгляд. — Непривычно.

— Да, к сожалению, я окончательно вывел тебя за пределы наших профессиональных отношений, — улыбнулся он с грустью. — Но у меня не было выхода.

Я часто заморгала, не зная, куда деть глаза и вообще деться самой.

— Мне нужно было время...

— Я хотел бы тебе его дать. — Макс мягко улыбался, глядя на меня, а я все пыталась изобразить виноватый взгляд. — Но уже не в качестве психотерапевта. Такого варианта не было в любом случае. Ты решила, что тебе предстоит разбежаться и прыгнуть со скалы... И что делать ты это будешь одна.

— Что? — растерялась я.

— Я услышал сегодня в телефонном разговоре с тобой, что ты не хотела прощаться...

— Макс, это была минутная слабость... — неуверенно начала я, но он мягко перебил.

— Давай пока поставим все на паузу, — предложил он. — Сейчас я просто забрал тебя с работы, чтобы накормить ужином и отвезти домой. И выслушать.

— Ладно, — неуверенно улыбнулась я.

Стены кафе были обвешаны кадрами из старых фильмов, и мне подумалось, что Максим был из тех героев, которых никогда не любят героини в самом начале. Такие герои положительные во всем — они мягкие, понимающие, надежные и терпеливые... Но они не вдохновляют на захватывающие сюжеты. А вот любить плохого парня или вообще серого волка — это цепляет, рождает драму и заставляет зрителя с замиранием сердца следить за развитием событий.

Только жизнь — она же не кино.

— Расскажешь, как прошел первый день?

— Как я уже сказала — так себе, — вздохнула я. — Думала, Князев уволит меня.

— А он что же?

— Он попросил прощения...

— Вот как? Ну, неплохо. Возможно, он тоже старается действовать в новых обстоятельствах наилучшим образом. Он уязвим, также как и ты.

— Вероятно. Но это плохо, Максим. Он же главный кардиохирург. Ему нельзя сомневаться, быть уязвимым и вообще на что-то отвлекаться. Я подумала сегодня, что, возможно, веду себя слишком эгоистично. И из-за меня Андрей может ошибиться в какой-то момент, а кому-то это может стоить жизни...

— Стой-стой, — перебил меня Макс, — остановись. Все в какой-то момент берут на себя обязательства. И новые не отменяют старых. А ты перекладываешь на себя слишком много не своих обязательств сейчас...

— Но я же знаю, что Князев страдает. И это я его заставила страдать. Он... у него что-то с ногами. Или ее вообще нет — я не знаю. Он ходит с тростью. И я думаю, что это после того, что с нами произошло. После того, как на нас рухнула часть стены, и он вытаскивал меня, хотя сам пострадал гораздо больше...

— Не принижай сейчас того, что пережила сама, — возразил Макс. — Князев — мужчина и оборотень. У него изначально было больше шансов выкарабкаться. А ты была уязвима.

— Он сделал все, чтобы я выжила. И чтобы приняла его.

— Не вини себя.

— Я не виню. Я просто пытаюсь учитывать все обстоятельства.

— Ты пытаешься его оправдывать сейчас. А в будущем это может сподвигнуть тебя поступиться собой. Ты хочешь забыть о том, что пострадала. Тебе невыносима мысль о том, что ты не справились. Ты не принимаешь этого. И начинаешь его жалеть, чтобы показаться себе сильней...

— Я хочу быть сильней. Что в этом такого?

— То, что это — несуществующая сила. Она держится только на желании сделать Князева слабым. Не рискуй собой снова. Тебе тоже нужно тепло, внимание, забота и принятие. Не забывай об этом.

Я тяжело сглотнула и кивнула.

— Хорошо. А теперь выбери что-нибудь из меню, пожалуйста. — И Макс ободряюще улыбнулся.

Во мне же этот разговор оставил необъяснимое раздражение.

— А у оборотней такая же психика, как и у людей? — решила сменить я тему, когда официант ушел с заказом.

— Я на них не специализируюсь, просто знаю в общих чертах, — охотно отозвался Макс. — В человеческой части они — вполне себе люди. Но есть нюансы, конечно.

— К примеру?

— К примеру, им сложно жить в человеческом обществе. Приходится быть больше человеком, чем зверем. Частое подавление звериной сущности приводит к накопленному напряжению.

Это я прекрасно знала. Но никогда не применяла к Андрею.

— Как думаешь, поэтому Князев и уехал хирургом на войну?

Говорить о Князеве Макс не нравилось. И это почему-то нравилось мне. Хотелось что-нибудь разбить уже...

— Я его не знаю, — хмурился Макс, будто ничего не замечая. — Его мотивы принадлежат только ему. Но, если чисто по-мужски, то это всегда проба себя на прочность. Здесь, кстати, есть и еще один нюанс. Быть оборотнем — это как быть психически больным. Человеку нужна уверенность в себе, в том, что он контролирует болезнь. Отсюда, возможно, и стремление оказаться в сложной ситуации, которая даст иллюзию полного контроля. Если сможет остаться человеком в условиях военного госпиталя, то сможет в любой ситуации...

— А то, что случилось со мной, расшатало эту его уверенность, — закончила я.

— Контроль — это иллюзия, — возразил Максим. — Всегда может произойти что-то, что лишит всякой уверенности. Важно уметь ее себе возвращать.

— Это очень сложно, — возразила я.

— Ты защищаешь Князева, — вдруг жестко констатировал Макс.

— Что?

— Ты сейчас выводешь меня на его критику, чтобы броситься защищать. Хочешь оправдать его и поругаться со мной.

— Мне не за что его оправдывать, — поежилась я.

— Это не так. Но, будь добра, дай себе волю. Скажи все, что тебе так хочется высказать мне...

— Это невозможно! — возмутилась я. — Ты предложил поужинать, а вместо этого заставляешь меня сидеть на сеансе психотерапии!

— Просто делай, что говорю, — неожиданно настойчиво повторил Макс. — Давай.

— Я не знаю...

— Знаешь.

Я напряженно застыла с прямой спиной, набрала воздуха и открыла рот:

— Я была неправа, — процедила, тяжело дыша, — мне нужно было дать ему шанс, прийти в себя быстрее...

— Как бы ты это сделала, если тебя ударило с одной стороны — посттравматическим синдромом, а с другой — послеродовой депрессией? — жестко возразил он.

— Он не обязан был меня терпеть в этом состоянии! Но он пытался...

— Сильный духом мужчина, оборотень и военный хирург в одном лице не вытерпел свою избранную с послеродовой депрессией и ПТСР?

— Он тоже много всего пережил!

— Откуда ты знаешь, что именно пережил он? Он тебе говорил?

— Нет.

— Ты фантазируешь, чтобы оправдать Князева, — вдруг спокойно объяснил Макс. — Понимаешь? Ты перестаешь думать о себе, Мила... и начинаешь думать только о нем. И можно было бы оставить тебя с этим, но... так ты своей цели не достигнешь. А твоя цель — вернуть себе квалификацию и сына. Или что-то еще?

— Ничего?

— Хочешь к нему обратно? — И Макс пристально всмотрелся в мое лицо.

— Никогда, — выдохнула я, чувствуя, как по спине прошелся мороз.

— Простите, можно подать горячее? — вставил робко официант, ожидавший у столика, и я вздрогнула.

— Да, спасибо, — улыбнулся ему Макс.

Я же вздохнула и прикрыла глаза:

— Да, ты прав. Это... «эффект Князева», — прошептала я.

— Это — твой собственный эффект, — мягко возразил Макс, — Князев тут не причем.

Помни о себе. Не сдавайся.

— Да, — закивала я, — спасибо, Макс.

— Не за что, — понизил он голос, задумчиво хмурясь. — Давай ужинать.

Не там я ждал проблемы, когда Мила пришла устраиваться ко мне ассистентом. Нет, я знал, что мне будет сложно... Сложно видеть ее лицо и находить общие черты с сыном. А еще сложно будет просто находиться рядом, потому что память будет мешать, подкидывая воспоминания. Что еще? Да все будет сложнее. Но я наивно полагал, что, когда выдержу возвращение своей женщины в мою жизнь, это даст мне сил пережить прошлое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.